

И еще мне аж снилось в моем сне, что я в прическе с платьем хожу по большой комнате и улыбаюсь людям и мужчинам. И мне люди и мужчины ответно улыбаются тоже.

Я им всегда говорю:

— Что вы будете кушать? Первое или, может, второе?

А мне люди и мужчины отвечают:

— Конечно! А что дашь!

И надо ж — по черниговскому радио сказали, что на вокзале сделали ресторан, хвалились, какой получился хороший. Обязательно хороший — это ж целый ресторан!

Я тогда запросилась у мамы Тамары, что пойду на работу в ресторан.

Мама мне сказала, что туда честные не идут, даже на кастрюли мыть не идут. Что такое место для женщины-девушки стыдное.

А мне захотелось. Страх захотелось! А без мамы ни на какое место не принимают, паспорта ж у меня еще не было, когда мама была живая и меня не пускала.

Я пошла на лозовую, носила лозу — вязки кило по десять, по самой земле тащила, если никто не видел. Как кто начинал видеть, я тогда на спине носила.

Лозу нельзя шарпать. Лоза полагается гладкая.

Надо понимать.

Мне сразу хорошо объяснили.

Конечно, у нас на фабрике всем давали спецовку, кто носит лозу. Спецовка, считай, до колена, крепкая, с брезента. Такая служит человеку и служит.

И моя тоже служила человеку. А я у моей спецовки получилась уже не человек. Там зашито на живую, там порвано. И парко в брезенте. А я не люблю, когда парко.

Я придумала завязывать рукава вокруг своей шеи и делать с спецовки вроде дорожку на спине. Мне высказали замечание за мой внешний вид. Мне указали, что я ж не грузчик на скотобойне, что я работница на фабрике. И про косынку мне указали, чтоб у меня волос на глаза не лез, оно ж надо всегда-всегда видеть перед собой дорогу.

По правде, про дорогу — это правильно. Можно не увидеть, и тогда всегда упадешь. Допустим, я пойду с лозой, а волос мне закроет дорогу, получится несчастье.

Надо понимать.

Про скотобойню. Я б на скотобойню не пошла, хоть что.

Допустим, ты человек и ты уже пришел на работу, тогда возьми и работай. На спецовку не спихивай, и на тачку не спихивай тоже.

Были спецовки — это первое. Были еще и тачки — это второе. Спецовку давали, кто на подноске, а тачки не давали. Конечно, тачек на всех-всех не хватаешься. А лозы ж — кучи и кучи. Допустим, надо на работниц, которые на подноске, шесть тачек. В наявности имеется тачек три. По правде, шесть тачек тоже получается мало. Допустим, будет семь тачек. Так оно ж тогда получится совсем-совсем никак, ни тебе развернуться, ни тебе повернуться . . . . .

Товар у нас на фабрике был красивый, прочный, хоть и лоза, а простоит, пока не поломают. В Чернигове была и настоящая мебель. Конечно, настоящая мебель делалась деревянная. Про деревянную я доподлинно ничего не знаю. А так — знаю, что лозу люди любили всей своей душой. Людям надо ж было устраиваться, так потому. Мы людям плели и плели — и стулья, и столы, и люльки тоже. Кровати — нет, не плели, а качалки прямо панские — было.

По правде, я ничего на свете не плела, я на подноске работала.

Пускай. На то и коллектив.

Я про лозу.

Я таскала на лозовой лозу. Таскала и таскала.

Потом мы с девушками с лозовой справляли мои восемнадцать лет.

Там была такая — Татьяна. Татьяна мне по-товарищески подсказала, что мне надо к Мурзенке. Татьяна и подучила, что и как.

Я на другой день пошла в обед к Мурзенке, который, был, считай, самый-самый главный на складе человек, и выразила свою просьбу:

— Василь Петрович! Будь ласка, якось допомогить мэни! Важко ж! Дывытэся, як в мэне спына порэпалась!

Я растегнула пуговицы, плечи двинула и сдвинула кофту далеко-далеко назад по спине от шеи. Аж моим косточкам посередине заглодало.

И к Петровичу, к Петровичу.

А у меня на спине страх страшный-страшный. Синяк на синяке. Один одного больше и синей синим цветом. А есть же и других подсветов — и желтые, и с краснотой. Если смотреть, так получается красиво. Я в зеркале смотрела. Мне понравилось.

А в перерывах от синяков осталось чистое девическое тело — белый сахар. Как не чувствовать такое! Допустим, Петрович чувствовал-чувствовал.

Мастеровые девчата, которые хорошо знали про Петровича, — они ж сами были раньше на подноске. Сами были — кто перед кем успеет до Петровича добежать. Я, как узнала, всегда добежала. И тачка мне давалась, и сочувствие человека.

Конечно, бегала не каждая. Даже бывали такие, которые плевали на которые бегали. Даже называли, что, допустим, я шлёндра.

А у меня стыда на такое нету. Зачем в такую секундочку стыд?

Стыд — это когда Петрович меня сам расхристал и все-все. А я ж своими руками. А Петрович своими руками — самую чуточку. Петрович смотрел и смотрел своими глазами. Это разница.

Потом — тачка мне давалась не для гульбы, а для труда. Это разница тоже.

Я трудилась на всю свою силу. Если человек, так он же без копейки не может. А мне сильно хотелось в душе на заработанную копейку и одеться в красивое, не перешитое, и пойти в город в кино — хоть на две картины в один день, и конфет хороших купить — хоть сколько грамм .....

По правде, я ходила к Мурзенке не только для тачки. Я давно себе наметила, чтоб не собирать своим подолом репьяхи. Я наметила себе любить такого мужчину, который достоин.

Допустим, взять мужчину. Для меня у мужчины красота всегда не главное. А будет у мужчины красота, скажу спасибо.

Да.

Поется песня:

Мне ж бить китов у кромки льдов,
Рыбьим жиром детей обеспечивать.

Я б хотела встретить такого мужчину, который убивает китов для детей. У нас в Чернигове таких нету. Пускай.

Я про мужчин.

У меня уже давно был случай, что я чуточку не утонула.

Мы с подружками пошли на Десну. Был самый первый жаркий-жаркий день. Мы с подружками наметили потрогать воду, и, если нам вода понравится, мы б тогда покупались.

Получилось, что вода уже потеплела. Конечно, мы были сильно рады.

Я в воде ничего не боюсь. Я боюсь, когда на воде плывет непонятное. Оно как раз и плыло.

Подружки мне закричали:

— Утопленник!

Конечно, я увидела на воде утопленника.

Утопленник мя взял — раз! — и мазанул по руке. Я давай в сторону. А сторона получилась не к берегу, а на глубину-глубину.

Божжжже!

Уже и дна у меня под ногами нету, неба наверху нету тоже. Бултыхаюсь-бултыхаюсь. Уже я провалилась — совсем-совсем.

Божжжже!

В эту самую секундочку я услышала:

— За корягу зацепляйся!

Я свои руки с воды высунула и шарпаю по воде сначала отсюда туда, потом оттуда сюда. Ничего и ничего. А потом нашарпалось. Я схватилась. Это был утопленник, который меня уже взял — раз! — и ма-занул. Конечно, страх. Страх, а я не отпускаюсь, держусь хоть за утопленника.

Утопленник тащит меня и тащит.

Подружки мне кричат, шеи свои дерут. А мне уже не до чего. Прощай, моя хорошая жизнь, и мама, прощай, и все-все прощай тоже!

Получилось удачно, что на весь шум появился мужчина.

Мужчина хорошо понял и кинулся на мое спасение.

Мужчина был не хлопец, а настоящий мужчина. По красоте мужчина был похожий на артиста Столярова, и на фигуру, и на лицо тоже похожий.

Допустим, Столяров сейчас чуточку подтоптаный, а на воде тогда Столяров для меня увиделся такой, какой артистом исполнял в “Цирке”.

Мужчина был раздетый до самых трусов. Ни майки у мужчины, ничего. Мужчина ж пришел не в горсад, а на речку. Конечно, в горсад бы мужчина оделся в костюм. Мне нравится, когда мужчина в костюме и в рубашке апаш. И когда пиджак внакид. Еще мне

нравится, когда мужчина ходит в шляпе. У нас в Чернигове такое редко-редко. Допустим, в горсаде можно ж ходить и без шляпы.

Мужчина был, считай, без всего. И не надо думать, что я в опасную секундочку смотрела и смотрела на почти что совсем голого мужчину. По правде, я смотрела. На кого ж мне было на речке смотреть? На утопленника ж я не могла смотреть. Я и руками за него держалась через всю свою силу.

Мужчина Столяров прыгнул с берега в воду и скоренько-скоренько подплыл до меня с подныром. Схватил меня сзади своими руками и тихонечко-тихонечко, наверно, чтоб лишнее не пугать человека, сказал в самое мое ухо:

— Видчипляйся.

А у меня руки уже залякли и ни за что на свете не видчипляются.

Столяров хорошо понял и начал толкать меня с моим утопленником до берега.

Столяров держит меня своими руками, а сам по себе толкает к берегу животом и всем своим другим тоже.

Я уже, считай, утопилась, а в эту самую секундочку у меня опять зародилась кровь. У меня в животе зародилась и затолкалась, как мужчина меня толкал.

Про почему я про свою кровь в животе вспомнила — про это потом.

А про Столярова сейчас вспомнилось почему? По правде, потому что одно всегда касается до другого. Оно если б не касалось, тогда б всегда никому не вспоминалось.

Да.

Я про Столярова.

Мурзенко был похожий на мужчину. Конечно, не на мужчину-мужчину, а похожий на Столярова, который в “Цирке” Петрович, который на речке. Первое. Мурзенко получился тоже Петрович.

Конечно, я Мурзенко и раньше видела, еще когда до Татьяны. А почему-то ж я Мурзенку тогда не узнала. А когда уже после Татьяны, так — раз! — и узнала.

Я подумала, что Мурзенко на речке меня спас, что Мурзенко забыл про это.

Потом я подумала, что не буду Мурзенке напоминать, что пускай Мурзенко сам по себе догадается и меня вспомнит. Мурзенко ж меня на речке трогал.

Надо понимать.

Потом я подумала, что за все-все полюблю Мурзенку.

Потом я подумала, что, может, не надо полюбить, что, может, жизнь еще свое покажет и покажет.

По правде, мне всегда после Петровича, который на речке, хотелось полюбить мужчину, а не хлопца. Я себе такое наметила, я ж не знала, а то б конечно.

У меня получилось, что, когда мама уже совсем заболела, на праздник Первомай мне на нашей лозовой выписали грамоту как рабочей комсомолке (я была активная и имела хорошую ответственность — так в грамоте и записалось).

Конечно, у меня явилось хорошее настроение.

Я пришла домой и положила грамоту маме Тамаре на кровать, на одеяло, считай, под лицо — чтоб мама порадовалась тоже.

Грамота получилась красивая — наверху красные флаги с золотом, по краям — слова-слова о мире и дружбе, потом сделанные ровные линейки, а на линейках чернилами с хорошим отсветом фигурными буквами кто-то своей рукой вывел: “Товарищ Федоско М. И. в честь Первомаия награждается грамотой за такое и такое!” А внизу росписи — директор лозовой фабрики тов. Фельдман М. А., секретарь партийной организации тов. Пелипенко И. Г., секретарь комсомольской организации тов. Шипко Н. П., секретарь профсоюзной организации тов. Мурзенко В. П.

Конечно, на нашей лозовой первомайскую грамоту выписали мне не одной. Так и не всем-всем же. Я, конечно, на это обратила внимание мамы Тамары. Я хотела рассказать маме Тамаре про каждого с каждого моего товарища, который подписался на моей грамоте. Рассказать, какие мои товарищи хорошие, как хорошо помогают мне по работе.

А мама Тамара мне сказала:

— Божжже, поможжжи!

Мама Тамара взяла — раз! — и скинула мою грамоту с себя — на пол. По правде, пол в хате был чистый, моими руками мытый. Хоть и так, а зачем мама Тамара?

Я подняла свою грамоту и сказала:

— Мама, ты сейчас больная. Ты, может, не понимаешь себя. Я тебе, мама, все прощаю. И грамоту, конечно, тоже прощаю. Но это ж, мама, почетная грамота!

Я взяла гвозди и громко прибила грамоту с четырех углов над кроватью мамы Тамары.

И какое ж есть в человеке! Утром я пришла к маме Тамаре, чтоб помыть-покормить. Моя грамота на стене уже не висела. Грамота была уже заплыванная слюнями и лежала на полу. А мама Тамара ж тогда уже ложку до себя сама не доносила.

Пускай.

В 1960 году мне сполнилось ровно девятнадцать лет. Тут на нашей лозовой открыли рабочую столовую. Людей на фабрике стало больше и забота про них, конечно, полагалась хорошая.

Люди рассказывали, что в других местах — возьми хоть суконку — столовую уже сделали. Рассказывали, что через столовую давали и продуктами тоже.

Люди между собой рассуждали, что если так сделают и у нас тоже, будет хорошо и даже правильно. Потому что ж люди не дураки, чтоб за свою живую копейку кушать чужой борщ, а еще и не узнаешь, с чего борщ наварился.

Я про столовую на нашей лозовой. Сама по себе столовая сделалась как комната без окошек с дыркой-раздаточной, в дырку виделся повар, плита на газу, кастрюли-миски, тарелки, чашки-стаканы тоже.

Конечно, я в столовую кушать не ходила. И, считай, никто с людей не ходил. А ходил директор, заведующие цехами, Мурзенко тоже ходил.

Хорошо получилось, что раз в неделю в столовой людям давали продуктами. Считалось, что как в мага-

зине. Хотя, по правде, на базаре можно было торговаться и за лучшую цену.

Некоторые с меня смеялись, что я кушать не кушаю, а листок на дверях всегда читаю. “Меню” — это ж как красиво! С меню я узнала и другие слова. Про картошку — что есть такое, называется “пюре”, про мясо тоже много хорошего узнала.

Про котлеты я и дома знала, хоть мама их и не делала. А зачем колеты? Можно ж и так, и в борщ. Тем более мясо с нашей свиньи — и одной, и потом другой тоже — мама продавала. Кур не продавала, нет. Так то ж и не мясо, а чтоб получались яйца. Яйца мама тоже продавала — приходила тетка с базара, забирала. Когда уже курица не неслась, тогда, конечно, мама ее варила.

По правде, мне без мяса всегда еще лучше. Можно сало порезать, картошку, лук, пожарить. На сале вкусно и хлеб пожарить, и все-все.

Я еще когда в пионерах, так думала, что мама куркуль, что мама жадная. Мама ж продавала для денег, а не для жизни. Я ж видела своими глазами, что мы не пановали.

У мамы зарплата была четыреста рублей, а за кило масла отдавалось шестьдесят. Конечно, мы на кило масло не покупали, а в магазине цена писалась на кило. Допустим, на кило покупался сахар за пятнадцать, гречка тоже — за двенадцать. У меня на цены всегда хорошая память. По правде, у меня на все-все, что считается, память хорошая.

Да.

Я с самого своего детства сильно-сильно любила хлеб с коркой, черный. Я до самой школы и не знала,

что был и не черный, а белый. Черный против белого был дешевле аж на полтора рубля. Мама меня в магазин гоняла, я все-все про все знала. И про водку знала, что стоит шестьдесят, когда “Московская”.

Когда мне было девять лет, в наш класс пришла новая ученица. Ученицу звали Наташа. Она раньше находилась с родителями в городе Саратов, потому что ее папа был офицер. Мы все-все аж упали, когда Наташа пришла в класс. У Наташи вся-вся одежда была новая, красивая, и волос зачесан под шелковую ленту, и галстук пионерский — шелковый. У нас класс был все девчата. Тогда ж еще делили на мальчиков и девочек.

Я сидела на первой парте. Наша учительница Нина Романовна сказала мне, чтоб я от лица класса подошла к Наташе и пожала руку как подруге.

Я встала и пошла. Я дала свою руку, Наташа дала свою тоже. Я руку пожала, Наташа тоже. Потом мне захотелось обнять Наташу, чтоб еще больше подружиться. Я обняла и мне услышалось, что Наташа пахнула красиво-красиво. И я застремилась к такому.

Вечером я спросила маму Тамару:

— Мама, зачем нам гроши? Можно ж купить и того, и сего... И одеться... И мыла пахучего...

Мама сказала:

— А бэз мыла з одэколоной вонько? Шоб я бильш нэ чула! Я заробляю! Мои грóши!

Конечно, мама работала и в хозяйстве, и на работе. Мама через две улицы напротив убирала на автобусной станции автобусы. Утром мама пошла, а перед днем уже и дома. Тем более мама ж не одна убирала, а в бригаде. Допустим, за автобус, там, конечно,

гроши мамы. А за хозяйство — так и мои гроши тоже. На мне ж хозяйство, как не знаю что...

Ага.

Я про мыло.

Я сильно плакала и просилась у мамы. Я надеялась, что мама сейчас скажет, чтоб я не плакала, что мама мне купит.

Конечно, когда Фрося мне объяснила про мою родную маму, я поняла, что мама Тамара не была куркуль. Мама держала гроши для своей дочки. Ой, мама Тамара б накупила для своей дочки. А не накупила. И гроши сами по себе остались для меня. Фрося мне и доложила, где мама все-все прятала, и за свой честный доклад взяла по-божески.

Ага.

Я про столовую на лозовой.

Мне предложили пойти помогать на плетении. Мурзенко предложил как старший товарищ, который всегда уверенный, что я не подведу людей по работе. Конечно, я сильно хотела повиситься и согласилась.

Допустим, завтра я иду в цех, а сегодня было такое. В столовой давали продуктами. Я пошла посмотреть, хоть мне и было не сильно надо.

На подходе мне услышалось, что женщины рассуждают про макароны. Я, конечно, макароны видела. И в магазине, и в столовой на раздаче видела тоже — вареные. Дома у нас макароннов всегда не было. Потому что если у кого дома ели макароны с магазина, а не свою лапшу, того соседи и знакомые осуждали. Хорошая хозяйка подобного не допустит. А государ-

ство ж макароны делало. Получается, для кого-то ж макароны были намеченные. Женщины и рассуждали, что, может, взять. Тем более что макароны, считай, давали в руки зазря.

Макароны случаем намочились водой или чем — кухня ж, теснота. Потом, конечно макароны высохли опять, а получились уже не такие, не какие были. Которые стали комом, женщины брали в хозяйство — и курам покрошить, и намешать тоже хорошо. А были и не комом, а вроде с пятнами. По правде, не сильно-сильно, а так — цяточками.

Другой скривится, а люди — нет! Не выкидать же еду! Допустим, начальство могло тихо списать по актам и взять себе домой, а не списало.

Конечно, я стала рядом с другими. Как пришла моя очередь — я сказала, что спасибо, и взяла с полкило макарон. Давали без денег, а на весах вешали — отчетность, так потому.

Надо понимать.

Я пришла домой и начала варить макароны. Мне люди раньше пояснили, так я накипятила воду в чугуне, давай кидать макароны. Кинула, сколько само по себе взялось. Посмотрела глазами, так получилась одна вода. В эту самую секундочку макароны для меня увиделись не как макароны, а как лоза. И цяточки увиделись, как на лозе. А это ж была не лоза, а макароны.

Да.

Я не хотела себе жалеть и опять кинула жменю. Я ж не знала, что с макарон вываривается сильно-сильно больше, чем было. Я ж думала, что не сильно.